

Современный анекдот как способ интерпретации советских культурных моделей

Обращение к любому типу культуры в ее динамике и многообразии может быть предпринято через систему культурно нагруженных текстов, среди которых фольклор представляет совершенно особую текстовую среду, демонстрирующую значимые проявления данной культуры.

Советская культура с ее особой социалистической мифологией представляет совершенно уникальное явление в контексте мировой культуры человечества. При этом роль советской мифологии в жизни целого ряда поколений весьма значительна, и современное – постсоветское – культурное пространство в своем обыденно-массовом проявлении во многом строится с учетом сложившихся в советский период культурных моделей, «отталкиваясь» от них или даже следуя им полностью. Исследователи специфических свойств советского культурного пространства отмечают, что «удивительным свойством советской культуры являлось то, что в ней официально-тоталитарное пространство соседствовало с высшими проявлениями человеческого духа в сфере повседневного опыта. Вместе с тем, явно ремесленнические и идеологически ангажированные элементы культуры уживались с гениальными прозрениями и высшими творческими свершениями» (Уваров М.С., 2005, с.449). Наиболее органичным – по целому ряду аспектов – актом творческой интерпретации действительности массовым сознанием советского культурно-исторического периода можно считать анекдот как жанр современного городского фольклора, рожденный именно в недрах массовой интеллигентской культуры.

Исследователи современного фольклора признают, что «жанровый ассортимент постфольклора – по сравнению с фольклором традиционным – изменяется самым радикальным образом» (Неклюдов С.Ю., 2003, с.14), а «на первый план выдвигаются /.../ жанровые комплексы относительно недавнего происхождения» (там же), и одним из таких жанров как раз и является анекдот. При наличии всех признаков современного, «позднего» текстового образования, он, безусловно, обладает всеми классическими признаками фольклора, к каковым исследователи обычно относят устность, коллективность, эстетичность и анонимность.

Анекдот по своей природе – один из жанров современного городского фольклора, «создаваемый и функционирующий в среде *демократической городской интеллигенции*. Эта его социокультурная функция определяет и содержание анекдота, и его жанровое разнообразие, и его национальное своеобразие, и характер специфически-анекдотического юмора» (Каган М.С., Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад / www.antropology.ru). Анекдот получил наиболее полное развитие в период становления советского тоталитарного строя, частично компенсируя потребность соответствующих социальных слоев населения в обсуждении фактов окружающей действительности, «это сугубо российско-советское изобретение, эффективный и очень изящный способ сомодекларации (и российско-советской культуры, и российско-советского человека). Своеобразное «совковое» ноу-хау, едва ли воспроизводимое в иных культурных опытах» (Соколов Е.Г., 2002, с.119).

В системе культурно значимых текстов анекдот может быть отнесен к жанрам, в основе которых лежит карнавальное переосмысление действительности. Карнавальное начало анекдота определяет его как жанр, фиксирующий мир, оппозиционный официальной доктрине (официальной норме), и это возводит анекдот к средневековому карнавалу, который, по утверждению М.М. Бахтина, «означал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех

иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу» (Бахтин М.М., // <http://bahtin-mm.viv.ru>).

Современное состояние анекдота как жанра современного фольклора демонстрирует некоторую специфику по сравнению с тем, каковым он являлся в «советский» период его существования. В связи с этим Е.Я. и А.Д. Шмелевы отмечают, что, во-первых, «с начала перестройки, в конце восьмидесятых – в девяностые годы XX в. появляются новые серии и новые персонажи анекдотов: «новые русские», эстонцы, наркоманы, программисты» (Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. www.dialog-21.ru), во-вторых, имеет место «постепенное снижение «удельного веса» устного речевого жанра анекдота в повседневной коммуникации, его трансформация в литературный и театральный жанр /.../, а также жанр интернет-коммуникации (там же), кроме того, «на смену речевому жанру рассказывания анекдота все чаще приходит речевой жанр напоминания анекдота» (там же), при котором рассказчик исходит из того, что «анекдот известен слушателям» (там же). На изменение условий бытования современного анекдота обращает внимание А.С. Архипова, утверждая, что «если у "исполнителя" анекдота есть два способа передачи текста, то при прочих равных условиях предпочтение будет отдаваться той возможности, благодаря которой анекдот запомнится максимально широкой аудиторией. В данном случае таким способом передачи, является, конечно, Интернет, с его возможностями неподцензурной публикации и максимальной, насколько этой вообще возможно, имитацией особенностей устного жанра в письменной форме» (Архипова А.С., www.ruthenia.ru/folklore).

При этом особо следует отметить, что анекдот, представляя жанр современного фольклора, в отличие от прочих его жанров, демонстрирует слабый уровень субкультурной обусловленности (в отличие от, например, городской песни – тюремной, туристской, городского романса и т.д.) – его

функционирование распространяется далеко за пределы среды городской интеллигенции.

По целому ряду жанрово обусловленных причин анекдот может быть определен как текст, представляющий результат эстетической рефлексии над окружающей действительностью. Этим он кардинально отличается от текстов традиционного фольклора, функционирующего в гомогенной аудитории и проявляющего единый, стабильный нормативно-ценностный пласт, где онтологический характер идеального мира определяет наличие единого, не рефлексизирующего ценностного субъекта. «интеллигентский жанр» отличает происходящая в его среде социализация ценностей (в отличие от традиционной культуры, где действует единая для всех этика). Анекдот, фиксируя результаты разрушения цельного традиционного сознания, моделирует мир в процессе коллективной и индивидуальной рефлексии, в результате чего содержание ценностно окрашенных категорий теряет единство и стабильность, варьируясь в рамках отдельных произведений.

В аспекте ситуативной прагматики реализации анекдота – рефлексизирующее современное сознание не просто «присоединяется» к коллективной оценке с позиции коллективной нормы, но и осмысленно вычленяет из многообразия представленных в анекдотах позиций ту, которая в наибольшей степени соответствует его собственной, тем самым индивидуализируя оценивание.

«Жизненность» анекдота определяется двумя факторами – стабильностью культурно-политического пространства и оригинальностью подачи массовой общественной позиции. При этом первый из названных факторов, по мнению исследователей, играет значительно большую роль: в современной действительности одни анекдоты «могут стать памятником истории «общественной мысли»», а другие – «продолжать функционировать в качестве актуального текста. Что, в свою очередь, может быть обусловлено неизменяемостью ситуации или ее типологическим повторением /.../. Или

когда он перерастает собственно ситуацию, выходя на общечеловеческий уровень» (Тульпе И.А., 2002, с.133). В

Особенности содержания, эстетически закрепленные в анекдотической форме, заключаются в «открытии в нормальном человеке сумасшедшего» (Белоусов А.Ф., 2003, с.583) и «обусловлены логикой жанра, а не мировоззрением его носителей» (там же). Специфика анекдота, как жанра современного фольклора, заключается в усложнении (по сравнению с традиционным фольклором) структуры нормативного основания ценностной модели мира, что, опять же, связано с особенностями субъекта оценки – рефлектирующим современным сознанием. В плане фольклорной природы анекдот можно сравнить с частушкой, которая реализует комический эффект на основании «перевертывания» фольклорной нормы, вступая в диалог с нормой традиционной. Отличие заключается в том, что, если частушка, реализуя карнавальное переосмысление действительности, строится по модели «норма – антинорма», то анекдот в своей основе имеет определенный массовый стереотип (см об этом в работе Е.Я. Шмелевой – «культурные стереотипы, бытующие в обществе, включают в себя и знание стереотипного поведения героев анекдотов, и наоборот, представления о поведении, манере речи и «менталитете» персонажей анекдотов складывается под влиянием бытующих в обществе представлений о поведении той или иной этнической или социальной группы» (Шмелева Е.Я., 2003, с.191)), который может и не признаваться за пределами данного жанра как реально действующий («все жены изменяют мужьям», «все преподаватели мечтают завалить студента на экзамене»), но в пространстве данного жанра порождают целые серии анекдотов, объектом обсуждения в каждом из которых являются самые разные социобытовые несуразицы. Анекдотическая карнавализация, соответственно, представляется как «норма – стереотип – антинорма».

С некоторым допущением можно сказать о том, что система стереотипов в традиционном фольклоре не выходит за пределы нормы, лежащей в основе представления ценностной модели. Объектом обсуждения

там становится непосредственно «антинорма» как система нарушения нормы (=стереотипов). В анекдоте стереотипы в большинстве находятся за пределами нормы, а анекдотическая рефлексия строится как раз на основании (часто на разрушении) стереотипа.

В качестве материала для данного исследования были использованы анекдоты, так или иначе востребованные в провинциальной томской культурной среде: представленные на различных Интернет-сайтах в 2007-2008 году (кроме тех, которые специально обозначены как «анекдоты с бородой»), опубликованные в прессе, а также зафиксированные на Интернет-форумах и в рамках непосредственного общения с рассказчиками в этот же период. Таким образом, принципиальным при выборе материала являлось рассмотрение анекдотов, сохранивших свою актуальность в настоящее (постсоветское) время в культурной среде г. Томска, при этом письменный/устный характер функционирования текста не учитывался.

Будучи жанром, рожденным в недрах советской интеллигентской культуры, и, тем самым, имея в своей основе направленность на обсуждение (=разрушение) советской мифологии, современный анекдот во многих случаях сохраняет ее осколки в виде стереотипов, лежащих в основе жанрового анекдотического переосмысления, в качестве пресуппозиции карнавального переосмысления реальности. При этом система стереотипов, актуализируемых в современном анекдоте, имея в качестве источника тот или иной советский миф, включает только те стереотипные смыслы советской культуры, которые в том или ином – модифицированном или эквивалентном – проявлении сохранились в постсоветском культурном пространстве.

Рассмотрим, какие «советские» стереотипы сохранились в основе современного проявления жанра анекдота и какова их текстоформирующая роль в обсуждении современной действительности.

В современном фольклорном пространстве крайне редко фиксируются анекдоты про советских политических лидеров – Брежнева, Хрущева, даже

Сталина: концептуальное содержание их образов как прецедентных феноменов не совпадает с тем, которое проявляется на соответствующем полюсе оппозиции «народ/власть» в настоящее время. Исключение, пожалуй, составляют анекдоты, содержание которых построено вокруг образа Ленина, максимально символически нагруженного в советских культурных моделях. Достаточно регулярно он становится способом моделирования «культурного фона» (*Стоит караул у мавзолея. Подходит мужик: «Пустите без очереди...». - «Да ты что, мужик, обалдел?!» - «Я рассчитаюсь...». – «Ну, разве что за бутылку коньяка...». Уходит мужик, приходит – приносит ящик коньяка. Караул: «Мужик, ты спустишься или тебе сюда вынести?») или – еще более частотной – основным оператором культурной модели: *Питерские рабочие обратились к Владимиру Ильичу Ленину с просьбой выступить у них на заводе. Ленин подумал и запросил штуку // Ленин запрыгивает на броневичок: Товарищи! Великая Октябрьская Социалистическая революция свершилась! А сейчас зажжем по полной!!!». Приведенные тексты, зафиксированные в XXI веке, показывают, что карнавальное переосмысление образа Ленина привело к формированию текста анекдота по модели «Ленин – шоумен, диджей». В основе модели, во-первых, реальные представления современного массового пользователя анекдотов о Ленине как о личности противоречивой, но яркой, а также его отношении к связанному с этим образом политическому событию (ср.: революция – большое политическое шоу). Во-вторых, переосмысление современными анекдотами советского мифа о Ленине организовано по технологии «от противного» (ср.: «Ленин – мудрый учитель» и «Ленин – шоумен»). Таким образом, в основе современной анекдотической ленинианы – так или иначе реализуются соответствующие советские стереотипы из ленинской мифологии.**

Что касается обилия анекдотов о Ленине в современном анекдотическом пространстве, то, видимо, чем ярче и растиражированнее бывший советский миф, тем более «живуч» его карнавальный вариант. Миф

о Ленине отчетливо «прописан» в советской мифологии, он проявлен в целой серии «рассказов о Ленине», художественных и народных, в учебниках истории и «серьезной» литературе. Знание ленинского «жития» было необходимым пропуском во все основные официальные сообщества (октябратские, пионерские, комсомольские, коммунистические). Мифы о Ленине даже приобрели подобие неких устойчивых текстовых форм. И для каждого сюжетного элемента этих мифов были созданы свои анекдоты.

Современный анекдот переосмысляет далеко не все структурные элементы ленинской мифологии. Причем сами исторически конкретные, политически значимые ее сюжеты уходят на периферию. «Советское» перестало быть объектом социальной критики («насмешливым смехом», по В. Проппу), и на первый план выходят анекдотически актуальные в настоящее время семейно-бытовые, сексо-эротические, «новорусские» и под. объекты обсуждения: *«Можно-ли из памятников Ленину отлить церковный колокол?» - «Можно, но картавить будет». // Когда Ленин сидел в тюрьме, из хлеба он сделал чернильницу, из молока - чернила, а из соседа по камере - Надежду Крупскую.* Последний анекдот интересен тем, что фоновым источником карнавального переосмысления в нем является реально функционировавшая текстовая модель ленинской мифологии. Подобные модели (*Ленин очень любил детей... // Как-то встретил Ленин печника... и под.*) ложатся в основу современных анекдотов достаточно регулярно.

Одним их базовых идеологических мифов советской культуры являлся миф об американской военной угрозе, выстраивающий культурно переосмысленную аксиологически значимую оппозицию «СССР/Америка: мы/они: свой/чужой». Для анекдота времен СССР актуализация названной оппозиции была крайне актуальной. Жанровое условие карнавального переосмысления действительности в данных анекдотах обращало внимание на мелкие бытовые человеческие недостатки русских в достоинства, позволяющие реализовывать свое превосходство над американцами (*Всплывают подводные лодки – русская и американская. На русской лодке кричат: «Кто*

уронил валенок на пульт?! Кто уронил валенок на пульт?!» На американской: «Как это у вас русских так? Вот у нас в Америке...». – «Да нет больше вашей Америки! Кто уронил валенок на пульт?!»

Пространственная оппозиция «Россия/Америка» является актуальной в анекдотической среде и в настоящее время, что поддерживается стереотипом массового сознания, определяющих именно американца как образ, символизирующий по отношению к россиянину «иного», «другого», «этнокультурно противоположного». Данная пространственная оппозиция опрокидывается фольклорной эстетикой в этический пласт.

Современные анекдоты сохраняют в качестве стереотипа смысловую модель «все американцы «правильные», до занудства, и этим проигрывают русским». Оценочный вектор анекдотов имеет ту же направленность, но «встраивается» данная модель в реалии современности: *Встречаются два крутых бизнесмена, наш и американский. Американец говорит нашему: «У меня такая крутая и солидная фирма, что в ней работают бывшие высокопоставленные чиновники. Например, генеральный прокурор». На что наш замечает: «У тебя бывший, а у меня действующий работает».*

Если советские анекдоты, реализующие рассматриваемую оппозицию, имели, в большинстве, военно-политическую направленность и выстраивались в сюжетном отношении, основываясь на советских реалиях (американские реалии практически не актуализировались, образ американца создавался «от противного»), то в настоящее время доступность данного инокультурного пространства привела к возникновению анекдотов, обсуждающих американскую действительность как таковую. При этом аксиологический вектор таких анекдотов направлен на общечеловеческие пороки, текстовое выражение оппозиции отсутствует, хотя имплицитно противопоставленность сохраняется внутри жанра, предполагающего рассказывание анекдота от лица «русского», а в качестве объекта обсуждения предлагающего представителем чуждой культурной среды: *Американец путешествует по Европе. « Где мы?» - «В Париже, мсье», - отвечает*

шофер. «К черту подробности! В какой стране?» // Американская кинозвезда рассказывает подруге: «Представьте себе, мне пришлось на некоторое время отложить свадьбу с Гари». – «Почему?» - «Я выхожу сейчас замуж за Фрэда».

Целые серии анекдотов советского времени посвящались героям, оценка которых с позиции официальной мифологии и с позиции массового сознания совпадала. В их изображении основы карнавального переосмысления образов задавались, скорее, в противопоставление их «преувеличенной героизации». Одним из наиболее растиражированных средствами официальной культуры можно считать образ Василия Ивановича Чапаева, в жанре анекдота получившего в качестве постоянного оппонента-партнера замполита Петьку. Эти парные персонажи сквозь призму своих ролевых отношений и в контексте героического сюжета проявили множество сугубо бытовых сторон человеческой натуры. Интересно, что, видимо, по причине особого к этим героям отношения анекдоты про Василия Ивановича и Петьку практически никогда не приобретали характер политических. В современном анекдоте, использующим классическую для данного цикла культурную модель, появляются политические лидеры, но аксиологический вектор все равно сохраняет направленность в бытовую сферу: *Просыпаются Василий Иванович с Петькой. Петька: «Ну, ты вчера, Василий Иванович, дал! Помнишь, какой тост ты сказал последним?» ВИ: «Нет!» Петька: «Ты сказал: «За Путина!» Так он же еще не родился!».*

В основе рассмотренных выше анекдотических моделей – стереотипы, основанные на советской политической мифологии. Ее содержание имело в соответствующий период времени практически всепроникающий характер: жизнь человека была крайне идеологизированной, политизированной. На основании этой мифологии и под ее влиянием складывался целый ряд сугубо бытовых стереотипов, которые также легли в основу анекдотического обсуждения.

Одним из значимых в советской культурной среде является стереотип «бедность – хорошо, богатство – плохо». С одной стороны, его можно причислить к моделям, обладающим константной аксиологической ориентированной этической обусловленностью в русской культуре (ср. в пословицах: *Не в деньгах счастье. / Богатый на деньги, а бедный на выдумки* и др.). С другой стороны, в российской «доперестроечной» действительности этот стереотип приобретает такие ипостаси, как «все должны быть равны», «честным трудом богатства не наживешь» и под.

Современный анекдот активно реализует данный стереотип в бесконечном цикле о «новых русских», «содержащих признаки скрытой зависти: в этом смысле циничный анекдот сродни жестоким народным сказкам, где хитрый солдат обманывает и побеждает господ и попов. В основе таких сказок, вероятно, лежит желание отомстить за поправное человеческое достоинство хотя бы вымыслом и насладиться безнаказанным смехом над образом врага» (Шишков С.М., 2002, с.139-147).

В качестве исходной знаковой модели современный анекдот использует систему бытовых стереотипов, определяющих атрибутику «простого человеческого счастья». В качестве иллюстрации приведем примеры «новых» анекдотов: 1) *Объявление: Интеллигентная семья продаст двух фортепьянов и одну роялю. Мешаются в коридоре.* 2) *Меняю виллу в Каннах на квартиру в Сочи.* Оба текста внешне оформлены в виде жанра объявления. Комический эффект первого из них за счет противоречия между советскими символами интеллигентности (стереотип: «в каждой интеллигентной семье ребенок должен обучаться игре на фортепиано») и «новорусской» (по законам внутрианекдотической логики) безграмотности. Карнавальный противоречие формы и содержания «прочитывается» только за счет прецедентного знания советского кода семейной гармонии. Подобным образом работает советский символ достатка и во втором анекдоте: современный «олимпийский» контекст особым образом «возвращает» Сочи статус места вечного отдыха и города-мечты.

Символическое содержание знаковых локалов советской географии просматривается и при «прочтении» «нового» анекдотического текста *Зимняя олимпиада пройдет в Сочи, летняя – на Колыме.*

Следующий анекдот интересен тем, что в его основе – советский стереотип восприятия России иностранцами в период «железного занавеса», который стал в настоящее время русским внутренним культурным стереотипом, иронически моделирующим в рамках массового сознания этнические «обиды» на недостаточно уважающий нас Запад: *«Уважаемый Президент, ваше мнение о роли СМИ в преодолении заблуждений о России за рубежом?» - «Лучше всего использовать эти заблуждения нам на пользу. Вот иностранцы считают, что Сочи - это снег, тайга, медведи».*

Выводы.

1. Советские культурные модели активно функционируют в современном анекдоте в качестве стереотипов, в основе которых как «осколки» советской мифологии, так и культурно-бытовые представления массового сознания в советскую эпоху.

2. Для жанра анекдота, рожденного в недрах советской действительности, сохранение изначально заданной системы стереотипов является жанровым свойством.

Литература

Архипова А. С. Традиции и новации в анекдотах о Путине // www.ruthenia.ru/folklore.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. / <http://bahtin-mm.viv.ru>

Белоусов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003.

Каган М. С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // www.antropology.ru

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003.

Соколов Е. Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

Тульпе И. А. Анекдот как антидот для отравленных жизнью // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

Уваров М. С. Постсоветский постмодернизм в антропологическом горизонте // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Вып.3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005.

Шишков С. М. Абсурдный анекдот в культуре // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

Шмелева Е. Я. Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот в XXI веке: трансформации речевого жанра // www.dialog-21.ru.